

Материалы для иконографии воскресения Спасителя.

Мы имѣемъ традиціонный, вѣками сложившійся и при-
пятый типъ изображенія воскресенія Господа Иисуса Христа,
въ которомъ на первомъ планѣ помѣщается гробъ Воскрес-
шаго. Эта иконографическая подробность встрѣчается рѣ-
шительно во всѣхъ композиціяхъ нашего сюжета. Каковы ни
были-бы его персонажи, какъ ни была-бы сложна и зачутана
обстановка событія, въ какой-бы формѣ—символической или
историко-реалистической—ни передавалось евангельское по-
вѣствованіе объ этомъ центральномъ во всемъ христіанствѣ
фактѣ, мы вездѣ встрѣчаемъ изображеніе гроба Господня.
Возьмемъ-ли мы древнѣйшую композицію на барельефѣ ла-
теранскаго саркофага (№ 171), который считается первымъ
и начальнымъ памятникомъ нашего изображенія, когда древ-
ніе христіане еще не дерзали касаться рѣзцомъ или кистью
самаго воскресенія,—остановимся-ли на реалистической ком-
позиціи знаменитаго Таддео Гадди въ ц. Маріи Новой во
Флоренціи, предъ нами—прежде всего гробъ Христа или
подъ символической монограммой Спасителя, или-же въ
формѣ классическаго саркофага, на которомъ сидятъ ангелы.
И конечно, гробъ Христа въ Иерусалимѣ—этотъ уникумъ въ
цѣломъ мірѣ—былъ единственнымъ предметомъ, который
притягалъ, до сихъ поръ притягаетъ особенное вниманіе
всѣхъ христіанъ и который заставилъ одного благочестиваго
паломника воскликнуть въ священномъ восторгѣ: *‘Ιεροσολ-
λήμ... ὁ ὀμφαλὸς τῆς γῆς, ἡ μέση τοῦ κόσμου!*

Отсюда, для иконографіи воскресенія Христа очень важно
опредѣлить отношеніе между св. гробомъ въ Иерусалимѣ и
воспроизведеніемъ этого гроба первыми христіанскими ху-

дожниками-реалистами, которые пытались передать евангельское повѣствованіе въ *исторической обстановкѣ*, и ихъ попытки въ исторіи искусства получили значеніе въ нѣкоторомъ смыслѣ *нормъ*. Такъ, наши изображенія въ своей основѣ имѣютъ *историческій* гробъ Христа.

Отсюда, мы должны прежде всего обратиться къ представленіямъ древнихъ евреевъ о загробной жизни и посмотреть, къ чему обязывали они живыхъ? Однако въ настоящее время нельзя говорить о религіи іудейской безъ того, чтобы не опредѣлить своего отношенія къ догмѣ рационалистовъ, по которой—іудейскія эсхатологическія воззрѣнія вообще цѣликомъ заимствованы были у древнихъ вавилонянъ, и, слѣдовательно, погребальные обычаи древнихъ евреевъ также представляли простую копию обычаевъ вавилонскихъ. Факты говорятъ обратное, и къ нимъ мы должны также обратиться (см. приложение).

Идейная бѣдность, крайняя туманность и неопредѣленность вавилонской эсхатологіи мѣшали ей быть жизненнымъ, практическимъ факторомъ. Она говорила о жизни тѣней—душъ умершихъ, описывала ихъ странствованія и всевозможныя фантастичныя приключенія, но совершенно порывала всякую связь души съ тѣломъ. Душа могла явиться на землю, произвести извѣстное катастрофическое дѣйствіе среди живыхъ, однако съ момента смерти она становилась по существу совершенно иной субстанціей и уже не могла имѣть никакихъ отношеній къ тѣлу. Смерть была рѣзкой и окончательной гранью, которую перейти нельзя. Соединенія въ какой-бы то ни было формѣ между тѣломъ и душою послѣ смерти уже не можетъ быть. Отсюда, погребеніе тѣла у вавилонянъ имѣло особый, характерный смыслъ. Тѣло становилось именно прахомъ, теряло всякое значеніе и дѣлалось въ своемъ родѣ ненужнымъ предметомъ, который можетъ быть дорогъ только для того, кто былъ умершему чѣмъ-нибудь обязанъ, признателенъ, напр., за данную жизнь—дѣтямъ и т. д. По такому чисто естественному чувству, близкому къ ощущеніямъ фетишиста, родственники и должны были заботиться о погребеніяхъ умершаго. Погребеніе трупа у вавилонянъ—это особый родъ благодарности къ усопшему, котораго оставить, бросить на уничтоженіе—претить *нравственному* чувству. Извѣстно, что вавилоняне

погребали умершихъ въ глиняныхъ горшкахъ ¹⁾, но *какъ*, это наука знаетъ не вполне точно, потому-что ни одинъ барельефъ, какихъ въ настоящее время открыто много, равно какъ и тексты, ничего не говорятъ объ этомъ. Мало того, не смотря на тщательныя разысканія, на множество открытій въ области древней Месопотаміи, наука до сихъ поръ не знаетъ вавилонско-ассирійскихъ *гробницъ* древнѣйшаго періода, и ученые соглашаются обычно съ гипотезой, что „шневитяне и вавилоняне разсматривали бассейнъ Халден, какъ землю предковъ, ихъ прародину, и что по этому вслѣдствіе религіознаго и сыновняго почтенія они переносили останки дорогихъ и любимыхъ мертвецовъ къ предкамъ ихъ расы. Ассиріяне, жившіе по верховьямъ Тигра, помѣщали въ лодки останки любимыхъ покойниковъ и, довѣривъ ихъ волнамъ рѣки, съ плачемъ сопровождали до мѣста ихъ послѣдняго успокоенія“ (Проф. С. С. Глаголевъ) ²⁾. Нѣкоторые археологи утверждаютъ, что въ Вавилонѣ и Ассиріи вообще и не существовало погребальной архитектуры ³⁾. И думается, что это утвержденіе главное основаніе можетъ имѣть въ раскрытомъ выше возрѣніи ассиро-вавилонянъ на трупъ. Для нихъ тѣло умершаго человѣка—ненужный, потерявшій всякое значеніе и смыслъ предметъ. Особенно беречь его *для чего-нибудь* не нужно. Слѣдовательно, у вавилонянъ не было никакихъ логическихъ посылокъ и побужденій для развитія погребальной практики и особой архитектуры, какъ у другихъ народовъ, признававшихъ хотя въ самой зачаточной формѣ метампсихозисъ. Практическій эпикуреизмъ, сквозящій во всѣхъ открытыхъ гимнахъ, былъ вполне естественнымъ слѣдствіемъ возрѣнія на загробную жизнь. Совершенно въ иномъ положеніи находились древніе евреи. Мы видѣли, что они постулировали, по крайней мѣрѣ, для праведниковъ (а каждый іудей потенциально считалъ себя таковымъ) — *судъ надъ умершими и воскресеніе тѣли для будущей блаженной жизни въ царствѣ Мессіи*. Отсюда само собою слѣдовало, что и отношеніе къ тѣлу умершаго

¹⁾ M. Jastrow „The religion of Babylonia and Assyria“. Boston, 1898, pp. 597 ff.

²⁾ „Очерки по исторіи религіи“. Часть 1-я. Св. Тр.-Серг. Лавра, 1902, 74.

³⁾ E. Babelon „Manuel d'archéologie orientale“, Paris, 1889, p. 61.

должно было быть инымъ, чѣмъ у вавилонянъ: тѣло временно перестало быть оболочкой для души, но настанетъ моментъ, когда душа опять вернется къ нему, и начнется субстанціально прежняя жизнь души и тѣла. Таковъ былъ тотъ логическій путь, которымъ древне-іудейская мысль оправдывала свое бережное, почтительное отношеніе къ тѣлу умершаго. И въ курсахъ исторіи архитектуры гробницы, современныя Давиду и Соломону, имѣютъ значеніе песточниковъ вообще для характеристики тогдашняго состоянія строительнаго искусства въ Палестинѣ.

Первыя свѣдѣнія о способахъ погребенія у евреевъ сообщаетъ исторія Авраама. Въ Хевронѣ Сарра умерла. Авраамъ, очутившійся въ такомъ горестномъ положеніи на чужбинѣ, среди неизвѣстнаго народа, обратился къ хеттеямъ съ предложеніемъ продать мѣсто для погребенія жены. Такое мѣсто и было уступлено ему за 400 серебрянныхъ сиклей. Тамъ уже была устроена для погребенія двойная (makp(f)elah) пещера (Быт. XII). Очевидно, такія пещеры были въ большомъ ходу у ханаанскихъ насельниковъ: это—или естественныя пещеры въ известковыхъ пластахъ, образовавшіяся вслѣдствіе того, что вода, насыщенная углекислотой, проникла въ толщу пласта и, измѣняя углекислую известь въ легче растворимую двууглекислую, образовывала сначала пустоты, а потомъ и гроты, которые, быть можетъ, вслѣдствіе весеннихъ размывовъ, открывались наконецъ наружу отверстіемъ,—или-же искусственныя, вырытыя въ склонахъ горъ. Погребенія въ такихъ пещерахъ-склепахъ практиковали также потомки Авраама вплоть до Иосифа Аримаѳейскаго, отдавшаго свой склепъ для тѣла Спасителя. Гористая, богатая уклонами, Палестина позволяла практиковать этотъ ханаанскій способъ обращенія съ мертвыми останками. Гробница перваго патріарха въ Хевронѣ сохранилась до нашего времени ¹⁾. Это—пещера въ видѣ просторной крипты, куда непосредственно на полъ или на искусственное возвышеніе и помѣщались умершіе. По мнѣнію ученыхъ, геологически можно доказать современность пещеры Аврааму, и лишь ограда—кругомъ нея—воздвигнута, несомнѣнно, при

¹⁾ Chipiez et Pérrot „Histoire de l'art dans l'antiquité“. Paris. 1887. t. IV, pp. 274 sq.

Иродъ, который вообще заботился о сохраненіи національныхъ священныхъ реликвій, и, конечно, къ числу ихъ отпослалась гробница родоначальника еврейскаго народа.

На основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній Евангелистовъ, мы можемъ сдѣлать выводъ, что евреи своихъ мертвыхъ тщательно завертывали въ нѣсколько полотень и въ такомъ закутанномъ видѣ клали въ пещерный склепъ. (Мѡ. XV, 46; Лк. XXIII, 53; Ин. XI, 44; XX, 5—7). Бывали случаи и мумификаціи. Такъ, тѣло Іакова послѣ смерти въ Египтѣ было набальзамировано, и египтяне 70 дней предавались плачу (Быт. LX, 3); на основаніи Геродота, Sauley догадывается, что изъ этихъ 70 дней въ теченіе сорока совершалось намащиваніе и наполненіе трупа различными консервирующими веществами, и тридцать дней продолжался трауръ по усопшемъ ¹⁾. Послѣ того мумія помѣщалась въ приготовленной пещерѣ. Не смотря на всю случайность настоящаго погребенія, мы можемъ видѣть, какъ ревниво относились евреи къ тѣлу усопшаго: не смотря на весь свой національный сепаратизмъ и отвращеніе къ язычеству, они воспользовались египетскимъ обычаемъ, чтобы подольше сохранить дорогое тѣло. Такъ-же мумифицировано было тѣло Іосифа, перенесенное позднѣе изъ Мизраима въ родовой склепъ въ Хевронѣ.

Этотъ типъ погребальныхъ камеръ прочно привился вообще на аравійскомъ полуостровѣ, и во многихъ мѣстахъ тамъ до сихъ поръ сохраняется много древнихъ пещерныхъ гробницъ, совершенно тождественныхъ съ палестинскими. Чаше эти гробницы устраивались въ скалахъ, украшались колоннами, фронтонами, разными обломами, смѣшанными съ египетскими и ассирійскими мотивами. Наиболѣе употребительны были просторныя, высокія погребальныя камеры, въ которыхъ по стѣнамъ устраивались особыя продолговатыя ниши, куда и помѣщались останки умершаго. Какъ на особенно типичную, можно указать на одну изъ такихъ гробницъ—въ Medain-Salih (сѣв. Аравія). Это—въ каменномъ склонѣ горы пробитая пещера и раздѣланная въ цѣлую комнату, близкую по своей формѣ къ квадрату ²⁾. Здѣсь обычно находили упокоеніе цѣлый родъ ³⁾. Не сомнѣемъ еще

¹⁾ J. Sauley „Histoire de l'art judaïque“, Paris, 1864, pp. 16—17.

²⁾ Chipiez et Pérrot „Hist. de l'art“, cit. op. pp. 344—346; 390—391.

³⁾ Babelon „Manuel d'archéologie orient.“. cit. op. p. 249.

отчетливая вѣра въ воскресеніе тѣла заставляеть однако евреевъ заботиться при жизни, гдѣ можно положить всю семью, родъ. Въ этомъ, конечно, сказывалась тѣсная, *человѣческая* связь живыхъ, которые свои чувства и представленія переносили и за гробъ.

Погребальныя пещеры-склепы употреблялись въ Палестинѣ и позже, въ христіанскую эпоху. Члены христіанскаго общества слѣдовали своему національному обычаю и устранивали попрежнему семейныя склепы. Очень интересенъ одинъ такой склепъ недалеко отъ Назарета въ деревушкѣ Шефа-Амеръ, относимый къ IV вѣку нашей эры. Онъ также сдѣланъ въ скалѣ, дверью служить большая каменная плита. Внутри камеры устроено три гробницы въ видѣ римскихъ катакомбныхъ аркосоліевъ. Стѣнныя плоскости заняты колонками, изображеніями птицъ, разными христіанскими символами. Снаружи входъ украшенъ виноградной лозой, вырастающей изъ двухъ вазъ по бокамъ двери ¹⁾. Таковъ *приблизительно* и былъ склепъ-пещера, куда Іосифъ Аримафейскій положилъ Пречистое Тѣло Спасителя (ср. Мѣ. XXVII: 59—60; Мр. XV, 46, Лк. XXIII, 53; Ин. XIX, 40—42).

Съ теченіемъ времени въ Палестину начали проникать иноземныя вліянія, которыя повліяли и на погребальную практику потомковъ Авраама. Очень рано египтяне принесли сюда свой типъ—не пещерный склепъ, а типъ *монолитный*, который привился въ Іерусалимѣ. Къ такимъ сооруженіямъ прежде всего слѣдуетъ отнести *египетскій монолитъ* въ Силоамской долинкѣ недалеко отъ Іерусалима, который считается одной изъ самыхъ раннихъ палестинскихъ одиночныхъ гробницъ: архитектурныя особенности позволяютъ отнести его къ досоломоновской эпохѣ. Силоамскій памятникъ представляетъ собою трапецидальный монументъ въ 3 метра высоты и по горизонту 6 метр. 10 сант.—5 метр. 60 сан. Дверь съ запада ведетъ въ небольшую (2 метр. 43 сант. кв.) переднюю, изъ которой—входъ въ камеру. Вогнутый потолокъ этой комнаты сложенъ, какъ въ обычныхъ египетскихъ строеніяхъ. Двѣ ниши въ стѣнахъ назначены для труповъ. Снаружи-грубый

¹⁾ Swoboda „Die altpalästinischen Felsengräber“ въ „Röm. Quart.“ 1890, ss. 321—322. Swoboda устанавливаетъ четыре типа палестинскихъ склеповъ: 1) склепы—простыя углубленія въ склоны горы, куда трупъ клали непосредственно на полъ; 2) склепъ съ аркосоліемъ, на нижней плоскости

египетскій карнизъ ¹⁾. Достаточно бѣлаго взгляда на этотъ памятникъ египетскаго влiянiя, чтобы заключить, что это не что иное, какъ *измѣненный, развитой пещерный типъ, о которомъ была рѣчь выше*. Силоамскiй монументъ не сложенъ

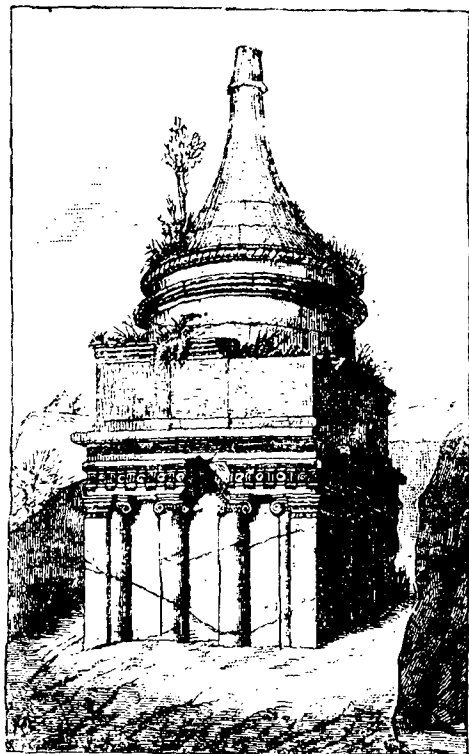

Рис. 1.

изъ камня, а высѣченъ изъ всей толщи каменнаго склона скалы, изъ которой онъ выступаетъ тремя сторонами—передней и двумя боковыми, а задней прислоненъ къ скалѣ. Такъ-что, собственно говоря, это-та же *пещера, только вынесенная*

аркосолія помѣщали трупъ; 3) склепъ съ аркосолiемъ, въ нижней плоскости котораго устраивалось корытообразное углубленiе, гдѣ трупъ и закладывался каменной плитой; 4) склепы съ локулами—углубленiями въ стѣнной плоскости въ нѣсколько рядовъ. „Röm. Quart“. cit. op. ss. 326 ff.

¹⁾ Babelon; cit. op. p. 250; Chip. et Pérrot, cit. op. pp. 356 sq.; Vigouroux „Dictionnaire de la Bible“, fasc. XXXVIII, Paris, 1912, pp. 2271—72.

изъ горной массы наружу и обдѣланная въ правильную форму. Несомнѣнность и очевидность этого подтверждаетъ другой монолитный памятникъ-гробница Авессалома, сына Давида, особенно извѣстная у жителей Палестины (рис. 1). Археологическія изслѣдованія подтверждаютъ ея древность: большинство ученыхъ согласны, что гробница Авессалома современна этому мятежному царевичу¹⁾. Св. писатель кн. 2 Царствъ повѣствуетъ, что Авессаломъ еще при жизни выпросилъ себѣ въ долинкѣ царей мѣсто, на которомъ устроилъ полустолбъ (*metzebet*) и назвалъ его „рукой Авессалома“ (XVIII гл.). Этотъ *metzebet* былъ собственно гробницею для останковъ своего строителя, который, какъ не носившій короны и, кромѣ того, опальный не могъ быть погребенъ въ общей царской усыпальницѣ. Однако придворный этикетъ позволилъ ему быть въ царской долинкѣ, которая называлась иначе „долиной Иосафата“ и была назначена для погребенія коронованныхъ особъ іудейскаго народа (рис. 2)²⁾. Иосифъ Флавій сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей объ этомъ *metzebet*ѣ. Онъ говоритъ: „Авессаломъ еще при жизни воздвигъ себѣ въ царской долинкѣ мраморный столпъ (*στήλην λίθου μαρμαρίνου*) въ двухъ стадіяхъ отъ Іерусалима, которая назвалъ рукой Авессалома“ (Antt. VII, X, 3). Изъ словъ іудейскаго историка о матеріалѣ и разстояніи отъ Іерусалима этого монумента мы можемъ заключить, что послѣдній былъ цѣль въ его время, и онъ имѣлъ возможность видѣть его. Объ этомъ-же сооруженіи упоминаетъ и знаменитый бордосскій паломникъ (333 г.) въ своемъ описаніи св. Земли. Онъ пишетъ тамъ: „Item ab Hierusalem euntibus ad porta, quae est contra oriente, ut ascendatur in monte Oliueti, uallis quae dicitur Iosaphat; ad partem sinistram, ubi sunt uineae, est et petra ubi Iudas Scarioth Christum tradidit, a parte uero dextra est arbor palmae, de qua infantes ramos tulerunt et ueniente Christo substrauerunt. Inde non longe quasi ad lapidem missum sunt monumenta duo monubiles mirae pulchritudinis facta: in unum positus est Isaias propheta, qui est uere monolitus, et in alium Ezechias, rex Iudaeorum“³⁾. Ученые

¹⁾ Vigouroux „Dict. de la Bible“, cit. fasc. pp. 2272—73.

²⁾ Sauley „Hist. de l'art jd“, cit. op. p. 223.

³⁾ „Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum“ edit. consil. et impens. Acad. lit. caes. Vind. vol. XXXIX. *Itinera Hierosolymitana* saeculi VI—VIII. Ex recens. Paul Geyer. Vindob. 1898. P. 23 (595).

принимаютъ, что подъ этимъ вторымъ монументомъ и нужно разумѣть тотъ именно стоиць-гробницу Авессалома, о которой у насъ рѣчь ¹⁾. Нижняя—монолитная—часть этой гроб-

ницы представляет собою огромный квадрат (6 метр. 24 сант. ширины и 6 метр. 50 сант. высоты), высѣченный изъ скалы. Родъ двора окружаетъ базу справа, слѣва и сзади. На монолитномъ квадратѣ водружена верхняя часть, сло-

¹⁾ Saulcy „Hist. de l'art judaïque“, cit. op. p. 225; Проф. Олесницкій „Св. Земля“, 1875, Киевъ, стр. 366 сл.

женная изъ большихъ тесанныхъ камней: барабанъ діаметромъ въ нижнюю часть сведенъ въ толстый шпиль каменной кладки. Каждая сторона этого квадрата украшена двумя іоническими колоннами и двумя-же полуколоннами, прислоненными къ угловымъ пилястрамъ. На колоннахъ покоится дорійскій фризь съ тринадцатью розетками и четырнадцатью триглифами. Подъ фризомъ виденъ египетскій карнизъ. Съ южной стороны устроена небольшая дверь квадратной формы. Кромѣ того, по остальнымъ сторонамъ основного квадрата зіяютъ три бреши. Черезъ среднюю брешь можно войти внутрь гробницы. Потолокъ комнаты образованъ двумя—одинъ надъ другимъ—концентрическими кругами. Стѣны заняты аркадами ¹⁾.

Saulcy, изучавшій этотъ памятникъ, въ соединеніи деталей іоническаго, дорійскаго и египетскаго стилей не видитъ ничего такого, что заставляло бы относить его къ эллинистической эпохѣ. Онъ думаетъ, что Палестина, находившаяся подъ перекрестными вліяніями, съ разныхъ сторонъ, должна была непременно воспринимать элементы и мотивы, которые находились еще въ зачаточномъ состояніи у сосѣдей ²⁾.

Въ той-же Иосафатовой долинѣ есть гробница, близкая по своей архитектурѣ къ Силоамскому памятнику и гробницѣ Авессалома. Это—гробница Захаріи (рис. 3), которую Бордосскій паломникъ называетъ ошибочно гробницей пр. Исаи (см. выше). Эта гробница такъ-же высѣчена изъ скалы въ формѣ четырехугольника (около 6 метр. длины и ширины въ основаніи), но покрытіе здѣсь иное: не барабанъ, а четырехугольная пирамида, представляющая одно цѣлое съ корпусомъ гробницы. Фасадныя украшенія немногимъ разнятся отъ украшеній гробницы Авессалома ³⁾. Особенный интересъ представляетъ гробница Захаріи въ томъ отношеніи, что до сихъ поръ не открыто ни малѣйшаго намека на дверь или

¹⁾ См. у Babelon, p. 248; Chipiez et Pèrrot, p. 278 sq; Lübke—Semrau, „Die Kunst des Altertums“, Stuttgart, 1899, s. 80; F. Bènoit „L'architecture. Antiquité“. Paris. 1911; p. 496.

²⁾ Saulcy, cit. op. p. 231; Проф. Олесницкій—сторонникъ взгляда, что черты греческихъ стилей были завесены съ востока, и на долю греческаго архитектурнаго гевія выпало только развитіе такого зародыша. См. указан. соч. стр. 31 сл.

³⁾ См. Bènoit „L'architecture“, cit. op. p. 496; Vigouroux „Dict“. c. op. p. 2279.

спускъ въ внутреннее пространство памятника, но несомнѣнно, что въ немъ есть или былъ поставленъ саркофагъ, иначе не зачѣмъ было помѣщать такой монументъ среди некрополя. Пр. Олесницкій находитъ у св. ев. Матвея указаніе на этотъ памятникъ (XXIII, 29—35): обличая фари-сеевъ, Господь Иисусъ Христосъ упрекаетъ ихъ въ убійствѣ первосвященника Захаріи, сына Варахін, *памятникъ кото-*

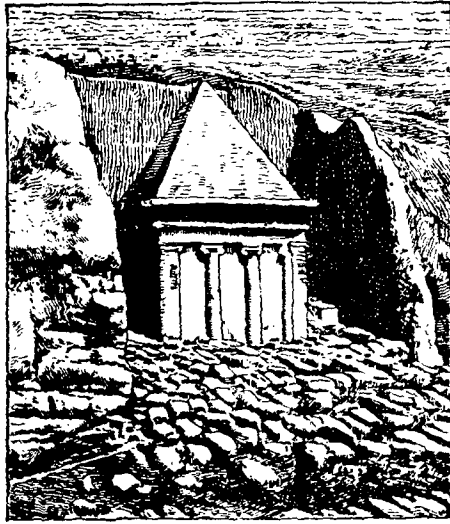

Рис. 3.

раго былъ ими украшенъ. По преданію, которое находитъ подтвержденіе свое во вѣщномъ видѣ монумента, нѣкогда онъ былъ раздѣланъ огненно-красной краской, напоминавшей кровь праведника, невинно убитаго между жертвенникомъ и алтаремъ ¹⁾.

Такой монолитный типъ гробницъ практиковался у древнихъ евреевъ людьми богатыми, знатными, которые еще при жизни заботились объ устройствѣ себѣ посмертнаго жилища. Интересно, что по идеологіи ветхозавѣтныхъ свв. писателей—считалось позорнымъ наказаніемъ лишить человѣка погребенія въ томъ мѣстѣ, гдѣ нашли упокоеніе его родные, единоплеменники (Исх. XIV, 18—19). Подъ вліяніемъ этого

¹⁾ Указанн. сочин., стр. 356 сл.

евреи не меньше египтянъ заботились о погребеніи, и мы находимъ въ Палестинѣ—особенно въ Иерусалимѣ—массу гробницъ, которыя въ основномъ не отступаютъ отъ типа монолитнаго. Люди среднего достатка не могли, конечно, соорудить пышныхъ, стилизованныхъ гробницъ—монолитовъ, напоминавшихъ по своимъ архитектурнымъ подробностямъ жилища помѣщенія. Имъ приходилось довольствоваться чаще искусственными пещерами въ нижней части горнаго склона, вырытыми параллельно горизонту, такъ-что не нужно было спускаться въ нихъ, какъ въ катакомбахъ. Особенно высоко—на вершинахъ горы—гробницъ не дѣлали, потому-что подъ влияніемъ геологическихъ мѣстныхъ условій почва вершинъ очень часто осыпалась, вслѣдствіе этого—обычно погребальныя пещеры высѣкали въ началѣ горнаго склона. Пр. Исаія обращается съ порицаніемъ къ одному іерусалимскому жителю за то, что тотъ соорудилъ себѣ гробницу на вершинѣ горы (XXII, 16).

Такова была и пещера, въ которую Іосифъ Аримаѳейскій положилъ Тѣло Спасителя.

Въ настоящемъ своемъ видѣ (рис. 4) эта пещера совершенно потеряла первоначальную топографію, такъ-что можно говорить теперь только о *мѣстѣ* погребенія Господа, въ подлинности котораго сомнѣваются одни только протестанты.—На сѣверо-западъ отъ голгоѳской возвышенности путникъ входитъ въ ротонду (50 метр. діаметр) изъ массивныхъ 18 колоннъ, поддерживающихъ галерею изъ 18 аркадъ. Въ центрѣ ротонды находится пещера, гдѣ лежало Тѣло Спасителя. Однако, чтобы составить себѣ правильное представление о первоначальномъ видѣ этого погребальнаго склепа, мы должны обратиться къ евангельскимъ даннымъ. По словамъ свв. евангелистовъ, Іосифъ Аримаѳейскій предоставилъ Господу пещеру, въ которой еще никто не былъ положенъ (Лк. XXIII, 53), такъ-какъ у него была другая пещера (Мѣ. XXVII, 60—*ἐν τῷ καινῷ αὐτοῦ μνημείῳ*—ср. Мѣ. IX, 17—*ἀλλὰ βάλλουσιν οἶνον νέον εἰς ἀβχὸς καινοῦς*,—также XIII, 52 и др.), гдѣ, вѣроятно, покоились его родичи. Эта частности имѣетъ для насъ въ настоящемъ случаѣ большое значеніе, потому-что позволяетъ согласиться съ мнѣніемъ пр. Олесницкаго, который предполагаетъ, что эта новая пещера была неокончена. Владѣлецъ успѣлъ сдѣлать только

антишамбръ—переднюю и первую гробничную камеру вчернѣ, какъ Провидѣніе остановило дальнѣйшую выдѣлку локуль,

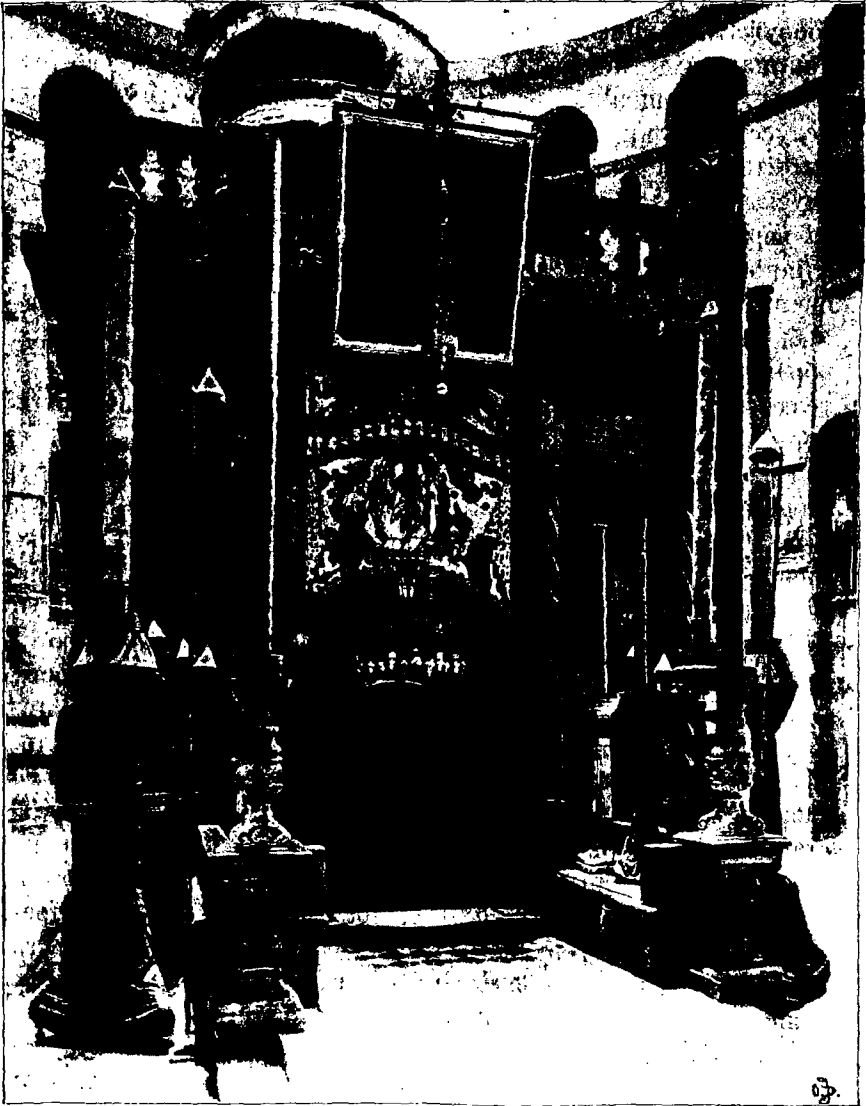

Рис. 4.

потому что наскоро сооруженное ложе въ видѣ простой скамьи и послужило мѣстомъ упокоенія Тому, Кто не имѣлъ,

гдѣ главы преклонить. Замѣна локулъ скамьей подтверждается тѣмъ, что Марія, придя къ низкому входу въ пещеру, увидѣла двухъ ангеловъ, сидѣвшихъ на мѣстѣ, гдѣ лежало Тѣло Господа (Ин. XX, 5. 11. 12): на локулѣ сидѣть нельзя было, конечно. Бывшую уже въ употребленіи пещеру Иосифа Аримаѣйскаго удалось найти нашему палестиновѣду также недалеко отъ Голговы ¹⁾. Гробъ Спасителя высѣченъ въ скалѣ и первоначально былъ закрытъ каменной плитой, которая была отвалена ангеломъ. Позже, когда начался притокъ паломниковъ къ Святынѣ, и небольшая пещера оказалась слишкомъ тѣсной, такъ-что не могла быть приспособлена къ богослужебнымъ цѣлямъ, она была совершенно вырублена изъ материковой скалы, и съ двухъ сторонъ—сѣверной и западной образовался широкій проходъ (почти 9 футовъ на западѣ). Собственно такая передѣлка относится къ IV вѣку, когда Константинъ Великій, пораженный мерзостью и запустѣніемъ на св. мѣстѣ, которое императоръ Адрианъ старался всячески загрязнить (онъ построилъ тамъ на насыпи капища Зевса и Венеры), очистилъ эту площадку отъ языческихъ остатковъ и открылъ изъ подъ насыпи гробъ Господень ²⁾. Далѣе, онъ былъ выдѣленъ изъ горы и получилъ форму классическаго надгробнаго монумента въ видѣ часовни. Передняя часть тогда-же была удалена, и осталась собственно гробница-камера ³⁾. Такимъ образомъ, ревностью императора-христіанина простая погребальная пещера, ничѣмъ не отличавшаяся отъ обычныхъ пещеръ іудеевъ средняго достатка, получила форму монолита, какую намъ характеризуютъ гробницы Авессалома и Захаріи. Однако этимъ не удовольствовался Константинъ. Евсевій Кесарійскій говоритъ: „вмѣстѣ съ словомъ, предметы обращаемъ въ дѣла... И вотъ, какъ-бы голову всего, прежде всего украшалъ (онъ) священную пещеру, божественный оный памятникъ, при которомъ нѣкогда ангель, облистывая свѣтомъ, благовѣствовалъ всѣмъ являемое пакыбытіе. И такъ ес (пещеру) прежде, какъ-бы голову всего, царское любочестіе испестрило отбор-

¹⁾ Проф. Олесницкій „Св. Земля“, цит. соч., стр. 414 сл.

²⁾ Евсевій „Vita Constant“. I, III. cap. XXVI.

³⁾ Кириллъ Јер.—Migne „Patrol. curs. compl“. ser. gr. t. XXXIII, cat. XIV, 9, p. 853.

ными колоннами и множайшимъ убранствомъ, просвѣтивши всякими украшеніями“ 1).

Св. гробъ сдѣлался центромъ Іерусалима. Палестина и всего христіанскаго міра, куда началось паломничество съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ вселенной. Человѣческая мысль начала соединять свое спасеніе съ посѣщеніемъ св. гроба: быть у него, осязать, приложиться къ самой землѣ, на которой лежало Пречистое Тѣло Спасителя міра—значило вдохнуть въ себя новыя живительныя благодатныя силы, силы для несенія креста въ земной юдоли, гдѣ человѣкъ-христіанинъ прежде всего—мученикъ, страдающій. Конечно, посѣщеніе гроба Перваго христіанскаго Мученика, Божественнаго Страдальца есть благодарный подвигъ, спасеніе души. Все, взятое изъ св. гроба—камень, масло изъ горящихъ тамъ лампадъ—все это священныя реликвіи, все обладаетъ особыми силами, священо 2). Каждый паломникъ уносилъ съ собою изъ Іерусалима извѣстное представленіе о формѣ и архитектурныхъ особенностяхъ св. Гроба, которыя и передавалъ на своей родинѣ или-же распространялъ письменно въ видѣ дневниковъ, описаній или благочестивыхъ размышленій. Блаж. Іеронимъ говоритъ 3): „долго было-бы исчислять нынѣ, сколько во все время отъ вознесенія Господня до настоящаго дня благовѣстниковъ, сколько мучениковъ, сколько искусѣнншихъ въ церковномъ ученіи мужей ходило въ Іерусалимъ. Всѣ они думали, что въ нихъ меньше будетъ религіозности, меньше знаній, и что они не достигнутъ высшей добродѣтели, если не поклонятся Христу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заблестало со креста первоевангеліе“.

Итакъ, съ IV вѣка пещера Спасителя представляла собою монолитную гробницу, расширенную имп. Константиномъ и освобожденную отъ антишамбра: эта гробница была заключена при немъ-же въ колоннаду.

1) „Vita Const“. III, 33 — 34. Мы даемъ переводъ компетентнаго о. архим. Автонина, помѣщенный у Б. Мансурова—„Базилика импер. Константина въ св. гр. Іерус.“ М. 1885, стр. 130 сл.

2) Антоній Placentius (паломн. 570 г.) говоритъ; „in quo monumento de foris terra mittitur et ingredients exinde benedictionem tollentur“; „offertur oleum ad benedictionem“ (Geyer, cit. op. pp. 171—172).

3) „Творенія“, Кіевъ, 1879, т. II, стр. 11.

У насъ нѣтъ вполне ясныхъ данныхъ о характерѣ покрытія колоннады кругомъ св. гроба, которую ученые называютъ *памятникомъ* Константина. Однако у Евсевія есть одно, хотя и очень неясное, замѣчаніе, которое можетъ быть полезно намъ. Сказавъ объ украшеніи пещеры и устройствѣ базилики, примыкающей къ устью пещеры, Евсевій возвращается опять въ своемъ описаніи къ св. гробу и говоритъ: „*τοῦτο γὰρ δ' ἀντικρὺν, τὸ κεφάλαιον τοῦ παντὸς ἡμισφαίριον ἦν, ἐπ' ἄκρον τοῦ βασιλείου ἐκτεταμένον. Ὁ δὲ δυοκαίδεκα χίλιος ἐστεφάνου, τοῖς τοῦ Σωτῆρος ἀποστόλοις ἰσαριθμοὶ κρατῆροι μέγιστοι ἐξ ἀγγέλου πεποιημένοι τὰς κορυφὰς κοσμοῦμενοι*“ ¹⁾. Архим. Антонинъ, на котораго мы уже указывали, такъ переводитъ настоящее мѣсто: „напротивъ (всего) этого была голова всего, полушаріе, распростертое на краю базилики. Его вѣнчали 12 колоннъ, равночисленные апостоламъ Спасителя, украшенныхъ наверху величайшими чашами, сдѣланными изъ серебра“ ²⁾. Изъ этихъ словъ церковнаго историка видно, что на колоннахъ, окружавшихъ св. пещеру, покоилось *полушаріе*, полусфера, *куполь*; въ томъ мѣстѣ, гдѣ куполь прикасался къ колоннѣ, поставлена серебряная чаша. И зритель, конечно, видѣлъ, что чаши составляютъ продолженіе колоннъ.

Итакъ, при Константинѣ Великомъ мѣсто, гдѣ было положено Пречистое Тѣло Спасителя, получило совершенно иной видъ. Вмѣсто простой пещеры въ склопѣ горы, паломники совершали выступившую изъ плоскогорья комнату съ каменнымъ-же ложемъ, и кругомъ такой своеобразной будки были поставлены мраморныя колонны (12), на которыхъ покоился куполь съ блестящими чашами.

Для христіанской иконографіи имѣло-бы большое значеніе открытіе иллюстрирующаго св. гробъ времени Константина какого—нибудь памятника. И проф. Олесницкій считаетъ такимъ памятникомъ бамбергскую пластину изъ слоновой кости, хранящуюся въ Мюнхенскомъ музеѣ, на которой изображено воскресеніе Христа по раннѣйшему переводу: на переднемъ планѣ тамъ находится изображеніе св. гроба Господня въ видѣ монументальной гробницы съ дверцами.

¹⁾ „Vita Constant.“, III, 38.

²⁾ Взято у В. Мансурова, цит. соч. стр. 137.

Вотъ что говоритъ проф. Олесницкій: „что касается фигурирующаго на рельефѣ памятника гроба Господня, то онъ такъ соотвѣтствуетъ описанному Евсевіемъ (Vit. Const. III, 33) *divinum monumentum* базилики Константина съ одной стороны и характеру архитектуры того времени съ другой, что въ его подлинности не можетъ быть сомнѣнія. Художникъ..... несомнѣнно, былъ въ базиликѣ Константина и снялъ видъ памятника съ натуры. Такъ точно описать скалестый грунтъ.

Рис. 5.

среди котораго возвышается памятникъ, могъ только очевидецъ. Что художникъ былъ въ Иерусалимѣ, это доказываютъ еще удивительно точно и мастерски воспроизведенные восточные костюмы женъ мирносицъ—простые сарафаны и длинныя съ головы до ногъ спускающіяся покрывала. И лица мирносицъ—самыя типическія палестинскія лица. Можно думать, что занимающая насъ картина была сдѣлана въ Иерусалимѣ по заказу самой царицы Елены.

гѣмъ либо изъ придворныхъ художниковъ, посланныхъ въ Иерусалимъ для работъ въ строившейся базиликѣ“. „Памятникъ гроба Господня стоитъ между грудями камней и имѣеть форму римскихъ колюмбаріи“. „Въ стѣнахъ (памятника) расположены ниши, въ которыхъ стоятъ статуи, и одна изъ статуй, фигурирующая по лѣвой сторонѣ входа, представляетъ фигуру самого императора Константина. Вѣроятно, на правой сторонѣ стояла статуя матери Константина, но ее заслоняетъ фигура янгела, сидящаго у входа въ памятникъ“¹⁾. Мы съ большимъ уваженіемъ и благодарностью относимся къ работамъ проф. Олесницкаго, однако не можемъ не сказать, что въ данномъ случаѣ нашъ ученый палестиновѣдъ переоцѣнилъ значеніе бамбергской пластины. Достаточно одного взгляда на композицію бамбергскую (рис. 5), чтобы видѣть, какую плохую иллюстрацію Евсевія мы имѣемъ въ ней. Прежде всего, что такое представляетъ собою со стороны типологической гробъ этой композиціи? Онъ состоитъ изъ двухъ частей: нижняго куба, сложеннаго изъ *меланга* (если принять мнѣніе проф. Олесницкаго, что передъ нами *натуральный* масштаб памятника) вытесанныхъ камней и украшеннаго двумя статуями въ нишахъ по бокамъ двустворчатой двери, и верхней ротондообразной (тамбуръ?) надстройкой съ куполомъ. Эта послѣдняя также сложена изъ тесаннаго камня и заключена въ аркаду изъ двѣнадцати (по парѣ) колоннъ. Весь памятникъ богато украшенъ обломками и медальонами. Ни со стороны архитектурической, ни со стороны декоративной гробъ пластины нашей нисколько не отвѣчаетъ описанію Евсевія, который ни слова не говоритъ о двухъ частяхъ—этажахъ св. гроба. И мы склонны думать, что прототипомъ или оригиналомъ въ данномъ случаѣ для художника служила *не пещера Господня съ константиновскими колоннами, а обычный греческій типъ надгробныхъ монументовъ и такъ называемыхъ логарическихъ памятниковъ, которые ставились въ честь побѣдителей*. Тѣ и другіе представляли собой двухъэтажное сооруженіе: низъ—большей частью квадратъ изъ цоколя, на которомъ ставили ротонду, окруженную колоннами и покрытую куполомъ (ложнымъ). Таковы, напр., мавзолей въ Галикарнасъ и львиная гроб-

¹⁾ Указан. сочин. стр. 524 сл.

ница въ Кишдѣ. Но особенно интересенъ для насъ въ настоящемъ случаѣ хорагическій памятникъ Лизикрата въ Афинахъ (335—34 гг. до Рожд. Хр.). На сложенномъ изъ крупныхъ рустованныхъ камней квадратномъ подножійъ возвышается круглое въ планѣ сооруженіе, украшенное коринфскимъ орденомъ и увѣчанное плоскимъ мраморнымъ куполомъ (рис. 6). Кольцевая въ планѣ коллонада состоитъ изъ

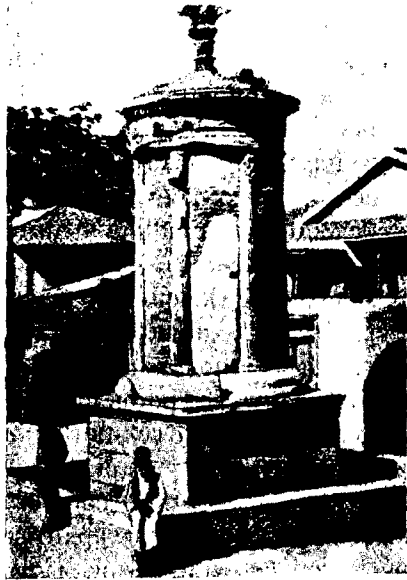

Рис. 6.

шести колоннъ, задѣланныхъ въ стѣну почти на половину своего діаметра и опирающихся своими базами на обходящій вокругъ всего зданія профилированный плинтусъ. Сходство этого античнаго памятника съ гробницей бамбергской пластины поразительное: если немного поднять квадратное подножіе лизикратоваго памятника и замѣнить аркадой шесть колоннъ ротонды пластины, то мы получимъ доказательство, что авторъ бамбергской композиціи былъ хорошо знакомъ съ античнымъ типомъ меморіальной архитектуры и, когда долженъ былъ изобразить гробъ Господень, то античныя

черты перенесъ на палестинское сооруженіе. Такъ, ничего историческаго въ изображеніи на бамбергской пластинѣ нѣтъ: тамъ предъ нами *простая декорация св. гроба*, а не копія обдѣлки св. пещеры Константиномъ Великимъ, какъ о ней повѣствуетъ Евсевій. И это именно заставляетъ признать, что художникъ не только не былъ вызванъ, какъ думаетъ проф. Олесницкій, для работъ въ базиликѣ Константина, но и никогда не былъ въ Иерусалимѣ. Какъ нельзя дерево бамбергской пластины считать историческою копіей дерева около св. гроба въ саду Иосифа Аримафейскаго, такъ нельзя и за всей бамбергской композиціей признавать столь большое значеніе, какое придавалъ ей проф. Олесницкій. Мы еще вернемся къ бамбергской композиціи ниже, пока замѣтимъ, что пещера въ такой конструкціи болѣе соответствуетъ очень позднему изображенію (XVI в.), какое намъ оставилъ Бернардино Амико ¹⁾.

Какова-же была св. пещера въ эпоху Константина Великаго? Отвѣтъ на это можно найти только въ тѣхъ паломническихъ записяхъ, о которыхъ мы говорили выше. Эти воспоминанія или благочестивыя описанія служатъ для насъ главнымъ источникомъ въ вопросѣ реконструкціи св. гроба послѣ константиновскихъ стараній дать св. мѣсту надлежащій видъ.

Полнаго и вполне исчерпывающаго описанія интересующаго насъ предмета мы не имѣемъ въ паломническихъ дневникахъ: каждый путешественникъ по свв. мѣстамъ эпохи наиболѣе блестящей въ исторіи христіанства—IV—VIII вв.—обращалъ свое вниманіе не на все, что имѣлъ предъ глазами, а что представляло для него интересъ *частный*. Но и здѣсь нельзя придавать абсолютнаго значенія словамъ паломниковъ, потому—что, съ одной стороны, религіозный восторгъ, особенное одушевленіе, овладѣвавшее человѣкомъ при видѣ того мѣста, о которомъ ходило столько разсказовъ, полныхъ манящей прелести, заставляло паломника очень часто превращаться въ поэта и для большей конкретности своего описанія преувеличивать или уменьшать дѣйствительность. Съ другой стороны, въ паломническихъ описаніяхъ мы

¹⁾ C. Mauss „Note sur la méthode employée pour tracer le plan de la mosquée d'Omar et de la rotonde du saint sépulture“. „Rev. arch.“ 1888, XII, p. 7.

часто встрѣчаемъ совершенно абсурдныя, невозможныя свѣдѣнія, которыя говорятъ объ отсутствіи у автора всякаго критическаго отношенія къ тому, что ему разсказывали въ св. землѣ. Такъ, Бордосскій паломникъ, о которомъ мы упоминали, говоритъ, что онъ видѣлъ въ св. землѣ кришту, гдѣ Соломонъ мучилъ ѳсовъ, а Брeвіарій добавляетъ, что въ этой-же пещерѣ Соломонъ и запечаталъ множество нечистой силы. Брeвіарій-же увѣряетъ, что онъ видѣлъ тамъ-же тотъ рогъ, изъ котораго Давидъ и Соломонъ были помазаны на царство ¹⁾. Конечно, къ подобнымъ разсказаньямъ мы должны относиться такъ-же, какъ къ красно-рѣчивымъ увѣреніямъ нашихъ бобылокъ-паломницъ, что во св.землѣ имъ показывали кусокъ лѣстницы, которую Іаковъ видѣлъ во снѣ! Крайняя степень субъективизма здѣсь часто не зависитъ отъ интеллигентнаго уровня разсказчика и находится въ какомъ-то особенномъ отношеніи, связи съ процессомъ воспоминанія о томъ, что воспринималось въ состояніи нѣсколько экстагическомъ. Здѣсь человѣкъ не лжетъ намѣренно, но онъ невольно теряетъ чувство мѣры и самъ вѣритъ тому, что выдумываетъ подѣ вліяніемъ минуты. Поэтому, нужно очень осторожно относиться къ сообщеніямъ даже самыхъ знаменитыхъ путешественниковъ и провѣрять ихъ, только тогда мы будемъ имѣть извѣстія историчныя. У Евсевія мы находимъ замѣчаніе, что при немъ на мѣстѣ воскресенія Христа была скала съ пещерой—*πέτρα—ἄντρον εἶσω* ²⁾. Кириллъ Иерусалимскій также говоритъ о *μνήμα πέτρας* или о *πέτρα τοῦ μνήματος*—т.-е о скалѣ, которая напоминала собою или имѣла значеніе *памятника* ³⁾. Такое названіе св. гроба мы встрѣчаемъ и у паломниковъ. Антонинъ Плацентинъ (570 г.) говоритъ, что памятникъ (*monumentum*) высѣ-

1) Burd. „est ibi et crypta, ubi Salomon demones torquebat“; Breviar. „ubi est illud cornu, quo David unctus est et Salomon et ille anulis ibidem, unde Salomon sigillavit demones“. Geyer, cit. op. pp. 21, 154.

2) „Θαυμασιή δὲ ἰδεῖν καὶ ἡ πέτρα ἐν ἠπλομένῳ χώρῳ μόνη ὄρθως ἀνεσταμένη καὶ μόνη ἐν ἄντρον εἶσω ἐν αὐτῇ περιέχουσα“. Orega, т. III, p. 72.

3) Migne „Patrol. curs. compl.“ ser. gr. t. XXXIII, IV, II col. 469; въ *Κοινή* встрѣчается *τὸ μνήμα* въ смыслѣ надгробнаго памятника, даже—, самаго гроба—ср. Мр. V, 3, 5; XV, 46 (гробн. Іос. Ар.); Лк. VIII, 27; XXIII 53 (гробн. Іос. Ар.); XXIV, I. Дн. 11, 27 (гробн. Дав.); VII, 16 (гроб. Авраама).

чень изъ скалы (*petra*) естественной ¹⁾. Адамнанъ (670 г.) и Беда (720 г.) повторяютъ то же самое ²⁾. Эта выдѣляющаяся изъ общей массы плоскогорья скала (*petra*)—*monumentum* съ пещерой и останавливала вниманіе паломниковъ. Въ этомъ случаѣ предъ нами примѣръ обычнаго словоупотребленія, которое рѣдко различаетъ въ собственномъ смыслѣ *гробъ* отъ стоящаго надъ нимъ *памятника* и терминъ *monumentum* прилагаетъ вообще къ тому мѣсту, всему сооруженію, которое въ одно и то же время служитъ и *гробницей*, и *памятникомъ*. Только у Адамнана мы встрѣчаемъ попытку разграничить *monumentum* и *sepulchrum*. Подъ первымъ онъ понимаетъ каменную массу—монолитъ, въ которомъ устроена пещера—гротъ, а подъ вторымъ—самое ложе Христа ³⁾.

О формѣ этого монумента намъ сообщаетъ Виллибальдъ (723/26 г.г.). Онъ говоритъ, что въ нижней части монументъ имѣлъ квадратное очертаніе, а вверху былъ *subtilis* ⁴⁾. Изъ

1) „...monumento de *petra* est naturale excisus et † puteus [potus] ex ipsa *petra* excisus“. Geyer „Itinera Hierosol.“, cit. op. p. 171s.

2) Adamn. „sepulchrum Domini in... *petra* interius excisum“; Baeda—„in hujus monumenti aquilonali parte sepulchrum Dom. in eadem *petra* excisum“. Geyer, ss. 228is, 304to.

3) Geyer, cit. op. pp. 228 sq. Иначе—*monumentum* называлось *tegurium*. Ср. Адамнана—„in una eademque *petra* excisum *tegurium*, in quo possunt ter terni homines stantes orare“, *ibid.* p. 228s—7.

4) „Illud sepulchrum fuerat in *petra* excisum, et illa *petra* (=monumentum) stat super terram, et est quadrans in imo et in summo subtilis“. См. у Tobler—Molinier „Itinera Hierosolym. et descriptiones terrae sanctae“. T. I. Genevae, 1879, pp. 264.

Д. В. Айналовъ, которымъ справедливо гордится русская археологическая наука, однако считаетъ, что *divinum monumentum* былъ круглѣи формы, ротонда, а не четырехугольной. Въ этомъ онъ основывается на замѣчаніи паломн. Адамнана—Аркульфа (670 г.): „*quae utique valde grandis ecclesia, tota lapidea, mira rotunditate ex omni parte collocata est, a fundamentis in tribus consurgens parietibus, quibus unum culmen in altum elevatur*“ (Tobler, cit. op. p. 146). Д. В. Айналовъ подъ *ecclesia* разумѣетъ константиновскій монолитъ св. гроба („Голгофа и крестъ на моз. IV в.“ въ „Сообщ. пр. пал. Общ.“ 1894 г. II, стр. 96). Съ этимъ согласиться нельзя. Ни одинъ паломникъ не оставилъ намъ столь неяснаго, неотчетливаго описанія св. мѣста, какое мы имѣемъ изъ рукъ Аркульфа; быть можетъ, это объясняется просто „двуединнымъ“ источникомъ этого описанія? На самомъ дѣлѣ,—о какой *ecclesia* говорить Аркульфъ? Если онъ разумѣетъ здѣсь св. пещеру, то она отнюдь не была *valde grandis*; намъ извѣстно изъ паломническихъ описаній, что въ нее могли войти только 9 человекъ. Изъ дневника Сильвін знаемъ, что въ ней обычно при бо-

сопоставленія съ Аптоніномъ можно сдѣлать выводъ, что заканчивался монументъ *пирамидальнымъ* (metae) покрытіемъ, которое, конечно, кончалось *остріемъ* (subtilis) ¹⁾. При Виллибальдѣ на крышѣ монумента былъ крестъ ²⁾.

Въ самый монументъ можно войти. На это достаточно ясно

гослуженія помѣщался только епископъ съ нѣсколькими пресвитерами, клирики-же и народъ стояли внѣ пещеры. Отъ Bernardino Amico (1596 г.) сохранилась зарисовка св. гроба („Revue archéolog“. 1888, XII, pp. 7 sq.), и онъ также не valde grandis. Наковецъ, и современная св. пещера не производятъ впечатлѣнія *особенной* обширности, не могли-же ее со времени Адамнана искусственно *уменьшить!* Можно думать, что Аркульфъ разумѣлъ подъ ecclesia (понимая этотъ терминъ въ широкомъ значеніи), дѣйствительно, строеніе valde grandis... mira rotunditate: такое строеніе намъ извѣстно. Всѣ изслѣдователи, работавшіе надъ восстановленіемъ константиновскихъ построекъ на св. мѣстѣ, принимаютъ, согласно Евсевію (см. выше, стр. 440 сл.), что вокругъ св. гроба была устроена грандіозная колоннада, крытая куполомъ съ отверстіемъ въ центрѣ (см. планы, прил. къ Прав. пал. соборн., т. III, вып. 1. Пл. XVII къ стр. 71). Мы уже видѣли, какое грандіозное было это сооруженіе! Вотъ, думается, *эту-то колоннаду*—которая, *дѣйствительно, отличалась mira rotunditate и называется Аркульфъ ecclesia, имѣя въ виду главнымъ образомъ, что въ богослужбѣныя часы здѣсь, вокругъ св. пещеры, служившей алтаремъ, собиравлись молящіеся.* Иначе эту колоннаду съ куполомъ трудно было назвать, зная ея главное назначеніе — быть крышей для собирающихся къ св. гробу. При такомъ объясненіи ясно, что ex omni parte, которое остается безъ перевода въ интерпретаціи Д. В. Айяловова, относится къ части константиновской постройки отъ базилики (Martyrium) и вплоть до св. гроба. Однако, давая такое объясненіе словамъ Аркульфа мы отнюдь не отвергаемъ весьма цѣннаго съ богословской точки зрѣнія толкованія Д. В. Айяловымъ мозаики въ апсидѣ ц. св. Пуденціаны въ Римѣ, на которой, по мнѣнію нашего ученаго, за сидящимъ Спасителемъ изображена константиновская постройка на св. мѣстѣ (см. его труды: „Голгова и крестъ“, цит. соч.; „Мозаики IV и V вв.“ Спб. 1885 г. стр. 34 сл.). Тамъhalbъ отъ голговскаго холма съ крестомъ мозаичистъ поставилъ ротонду, накрытую куполомъ. Подъ этой ротондой Д. В. Айяловъ видитъ изображеніе св. гроба. Но въ соответствии съ сказаннымъ выше, мы должны признать, что подъ этимъ круглымъ сооруженіемъ съ арками въ стѣнахъ нужно разумѣть не монополь св. гроба, не пещеру, а колоннаду съ куполомъ, въ которую была заключена св. пещера. Такое мнѣніе было высказано, между прочимъ, О. Сгѣ въ реф. „Элеоня и др. святыни Іерусалима, узванныя на мозаикѣ св. Пуденціаны“ въ 1-й секціи второго съѣзда христіанскихъ археологовъ въ Римѣ 17—25 апр. 1900 г. (см. „Виз. Вр.“ 1900, VII, 801).

¹⁾ „Ipsum monumentum sic quasi in modum metae coopertus ex argento“. Geyer. p. 17117.

²⁾ „Et stat nunc in summitate illius sepulchri crux“. Tobler. cit. op. p. 264

указывает терминъ Евсевія τὸ ἱερόν αὐτόρον ¹⁾. Бордосскій паломникъ (333 г.) называетъ св. мѣсто *crypta* ²⁾, паломница Евверія (380 г.)—*spelunca*—гrotъ ³⁾. Такъ-же Павла и Евстохій (386 г.) ⁴⁾; Адамнанъ ⁵⁾.

Итакъ, паломники до VIII вѣка представляли себѣ св. гробъ въ видѣ высѣченной изъ камня *булки* квадратной формы съ пирамидальнымъ покрытiемъ, которое было увѣнчано крестомъ; въ такой *монументъ* съ одной стороны можно было *войти* внутрь св. пещеры, гдѣ находилось ложе Преч. Тѣла Спасителя.

Всѣ паломники въ одинъ голосъ говорятъ о лежащемъ при входѣ въ св. пещеру *камень*, который, какъ вѣрили, былъ отваленъ Ангеломъ, явившимся въ моментъ воскресенія. Этотъ камень упоминаютъ: Кириллъ въ своихъ катех. бес. ⁶⁾, Иеронимъ, сопутствовавшій паломницѣ Павлѣ (404 г.) ⁷⁾, Бreviарій (VI ст.) ⁸⁾, Антонинъ (570 г.) ⁹⁾, Бернардь (820 г.) ¹⁰⁾. Однако въ позднѣйшихъ описанiяхъ паломниковъ, бывшихъ во св. землѣ послѣ перестройки св. мѣста пресвитеромъ Модестомъ (616—626), мы встрѣчаемъ уже *два камня*. Такъ—Адамнанъ (670 г.) ¹¹⁾, Беда (720 г.) ¹²⁾. Виллибальдь (723—26 г.г.) прямо заявляетъ, что онъ видѣлъ камень не настоящiй, лишь его копiю ¹³⁾.

¹⁾ Vit. Constant. III, 26—33.

²⁾ „...est crypta, ubi corpus ejus (Dom.) positum fuit“. Geyer, p. 225.

³⁾ „...intro(a) spelunca“. Geyer, pp. 712, 721, 730, 755 etc.

⁴⁾ „...quando nobis liceat speluncam Salvatoris intrare?“ Tobler—Molinier, p. 46, VII.

⁵⁾ „speleum sive spelunca“. Geyer, p. 2292.

⁶⁾ Migne, ser. gr. t. XXXIII, X; 19; XIV, 22.

⁷⁾ „ingressa sepulchrum resurrect. osculabatur lapidem“. Tobler, p. 32.

⁸⁾ „est ante ipso (sepulchrum—monumentum) ille lapis, genus silicis“. Geyer, p. 154.

⁹⁾ „Lapis... ante os monumenti est“. Geyer, p. 1710.

¹⁰⁾ „...lapidem coram sepulchro positum“. Tobler, p. 315. XI. Неясно, сколько—одинъ ли камень авторъ разумѣетъ?

¹¹⁾ „cujus (lapidis) pars minor ferramentis dolata quadratum altare in rotunda supra scripta ecclesia ante hostium saepe illius memorati tegurii. hoc est dominici monumenti, stans constitutum cernitur; major vero illius lapidis pars aequae circumdolata in orientali ejusdem ecclesiae loco quadrangulum aliud altare sub linteamibus stabilitum exstat“. Geyer, pp. 230—232

¹²⁾ Беда собственно повторяетъ Адамнана. Geyer, pp. 304 sq.

¹³⁾ „Et ibi ante januam sepulchri jacet ille lapis magnus quadrans in similitudine prioris lapidis“. Tobler, p. 264.

Св. мѣсто гроба Господня, помимо той обширной колоннады, покрытой полукуполомъ, о которой говорятъ всѣ изслѣдователи ¹⁾, было защищено также особой рѣшеткой. Нужно сказать, однако, что свѣдѣнія объ этомъ огражденіи мы находимъ лишь у Сильвіи (прибл. IV в.), свѣдѣнія очень неопредѣленные, которыя съ трудомъ поддаются топографическому анализу. Одно несомнѣнно, это—что была рѣшетка внутренняя (*cancelli interiores*) и внѣшняя (*cancelli exteriores*). Можно только приблизительно говорить, что внутренняя рѣшетка находилась при входѣ во св. гробъ ²⁾, а внѣшняя окружала послѣдній и удерживала народъ на разстояніи ³⁾. Вотъ—контуры, общая схема того изображенія св. гроба, какъ онъ представлялся паломникамъ IV—VIII вв. Мы намѣренно большее вниманіе удѣляли воспоминаніямъ тѣхъ путешественниковъ, которые были въ Палестинѣ до VII вѣка, потому что, какъ извѣстно, именно въ половинѣ VII вѣка пресвитеръ Модестъ долженъ былъ приняться за реставрацію св. мѣста послѣ страшнаго опустошенія въ 614 году полчищами Новоперсидскаго царя Хозроя Парвиса. И, строго говоря, у насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ по вопросу о томъ, въ чемъ выразилась эта реставрація? Возстановилъ-ли реставраторъ вполне константиновскія сооруженія или-же руководствовался больше личнымъ вкусомъ? Поэтому, и паломническія воспоминанія VII и далѣе вѣковъ приобрѣтаютъ особое значеніе.

Болѣе подробныхъ архитектурическихъ указаній у паломниковъ мы не находимъ, такъ какъ они удѣляютъ больше

¹⁾ См. планы реставр. св. мѣста, прил. къ „Правосл. палестинск. сборнику“, т. III, Пл. XVII къ стр. 71.

²⁾ „...episcopus... ingreditur intro spelunca et de intro cancellos... dicet orat.“; „episcopus... intrat intro cancellos intra Anastasim, id est intra speluncam“; „exeunte episcopo de intro cancellos omnes ad manum ei accedunt“. Geyer, pp. 712. 27, 721. 3, 10. 13, 754. 8. и др. Последняя цитата наиболее сильно подтверждаетъ нашу мысль, что въ самой св. пещерѣ, у входа, была рѣшетка: епископъ выходитъ изъ за рѣшетки (*de intro cancellos*) и приближается къ народу.

³⁾ „presbyteri et diacones semper parati sunt in eo loco (св. пещера) *ad vigilias propter multitudinem, quae se colliget. Consuetudo enim talis est, ut ante pulorum cantum loca sancta non aperiuntur*“. Geyer, p. 738—19. Очевидно, духовенство очередное находилось именно за этой *exteriores cancelli*, не пуская туда народъ; и лишь въ опредѣленный моментъ рѣшетка открывалась, и за нее входили служащіе.

мѣста описаніямъ декоративнаго характера, которыя, конечно, для насъ не имѣютъ въ настоящемъ случаѣ интереса. Однако и приведенныхъ схематическихъ чертъ достаточно, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о монументѣ гроба Господня.

Сравнительно небольшого размѣра монолитный монументъ имѣлъ квадратную форму, и грани боковъ сходились вверху на подобіе пирамидальнаго покрытія, увѣнчаннаго крестомъ. Вокругъ монумента была рѣшетка съ проходомъ противъ устья пещеры. При входѣ въ самую пещеру находилась такая-же рѣшетка. Недалеко отъ монумента паломники созерцали отваленный Ангеломъ камень, которымъ былъ заваленъ входъ.

Мы уже говорили выше не разъ, что такой видъ былъ приданъ св. гробу Господню во вторую четверть IV вѣка, когда первый христіанскій императоръ пылалъ ревностью ко св. мѣстамъ. По его приказу, обычная погребальная пещера была выдѣлена изъ общей массы горнаго спуска чрезъ прорытіе съ боковъ и зада широкой траншеи: получилась совершенно новая, такимъ образомъ, форма—не пещера просто, а родъ часовни, монолитная будка—гробница. Твердый скалистый грунтъ далъ полную возможность совершенно выдвинуть монументъ изъ общей плоскости горы, такъ что зрителю могло казаться, будто-бы онъ поставленъ прямо на землѣ. Для насъ не интересно, кто были каменщики здѣсь, но нельзя не задаться вопросомъ, что послужило архитектурнымъ прототипомъ такой формы монумента? Откуда была она заимствована?

Этотъ вопросъ не трудно разрѣшить, если мы вспомнимъ, что говорили выше о формахъ погребеній у древнихъ іудеевъ въ Палестинѣ.

Древніе евреи всегда погребали мертвецовъ въ пещерахъ горъ. Люди богатые и знатные не удовлетворялись такимъ простымъ способомъ и чаще высѣкали изъ горнаго склона громадныя монолиты, въ которомъ устраивали одну-двѣ комнаты съ мѣстами для труповъ. Такія монументальныя сооруженія сохранились до настоящаго времени въ долинѣ Иосафата. Это—гробница Авессалома и гробница Захаріи. Какъ мы видѣли, эта послѣдняя представляла собой *монолитъ квадратной формы съ пирамидальнымъ покрытіемъ*¹⁾.

¹⁾ См. выше стр. 436.

Мы не хотимъ утверждать, что Константиинъ скопировать планъ гробницы Захаріи при возобновленіи св. гроба, но должны подчеркнуть здѣсь полное сходство двухъ монументовъ по формѣ. Для насъ важно не то, что гробница Захаріи могла быть прототиномъ, а то, что при работѣ обратился не къ античнымъ формамъ монументовъ, а къ мѣстнымъ палестинскимъ. Великому императору было, конечно, пріятнѣе выдержать во всемъ стиль и характеръ земной родины и обычаевъ Господа Христа. И онъ обратился не къ Риму съ его роскошными гробницами Цециліи Метеллы (60 г. до Р. X.), Августа (28 г. до Р. X.), Адриана (135 г. по Р. X.) и др., а къ тѣмъ монументамъ, которые были у него предъ глазами въ окрестностяхъ св. города.

Н. Д. Протасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
